Моск комсомолец - 1991 - 19 окт

НЕ РЕЖЬТЕ ПО ЖИВОМУ

Юрий ЛЮБИМОВ: «Создайте свой спектакль, и Москва вам станет рукоплескать»

ТЕАТР НА ТАГАНКЕ — наша легенда, дерзкая, парадоксальная. Если, по счастью, у тебя оказывался билет к Любимову, завидовали знакомые, тебя ловили у входа, не продашь ли «лишний». Все хотели пойти на яркое действо, разыгрываемое актерами по волшебному повелению Мастера. Зрители наизусть знали Шекспира, Брехта, Маяковского, Трифонова. Абрамова... шли сюда, чтоб увидеть преображение дерзновенного СЛОВА в СПЕКТАКЛЬ. Стиль режиссера мирового масштаба Юрия Любимова непредсказуем, как непредсказуема крупная личность.

Осиротев без Высоцкого и Любимова, театр увядал и попал в ряд обычных московских театров. Увы, увы. Коридоры власти не улучшают человека, не одаривают его художественными открытиями, а чаще — приспосабливают к своим низким коридорным страстям, развивают кабинетную гигантоманию.

РАЗДЕЛ

СИЛЮСЬ припомнить, что создал руководитель труппы и министр Н. Губенко на театре, но ничего на ум не приходит. Нынче несколько актеров (к сожалению, среди них и талантливый Леонид Филатов), а также изрядное количество технического персонала — уборщицы, билетеры, гардеробщики — за Губенко и в огонь, и в воду, и в его половинку «Таганки».

Чиновникам всего проще договориться. И летит в Моссовет на имя Н. Н. Гончара письмо от группы актеров с жалобой на Любимова: «Мы не хотим перечислять, все обиды, сердечные боли и унижения, выпавшие на нашу долю после того, как помешали Юрию Петровичу Любимову и Гавриилу Харитоновичу Попову заключить контракт за спиной коллектива и при негласной поддержке целого ряда высокопоставленных чиновников (И. В. Бугаев, Г. Попов, вице-премьер А. Шохин и другие), который давал бы Ю. П. Любимову право на приватизацию здания Театра на Таганке совместно с его зарубежными партнерами».

Читаю контракт, заверенный печатью, — ни о какой приватизации там ни слова. Но надо было придумать что-нибудь крамольное, чтобы стереть в порошок такого непоклонистого Любимова.

Из решения президиума Московского городского Совета народных депутатов: «О Театре на Таганке»: «...принять необходимые решения по выделению (!) театра и разделению имущества Театра на Таганке между двумя театрами...»

Неожиданная щедрость. Талантливейший Анатолий Васильев ютился в чужом подвале со своим театром, парадоксальный Роман Виктюк до недавнего времени вообще не имел своего театра, а тут — три труппы, ни спектаклей, ни театральных идей... и нате вам, дорогие товарищи, поклонники Губенко!

Иду к Любимову.

— ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ, вы привезли в страну при Горбачеве. Вы тогда ставили оперу Вагнера «Тангейзер» в Штутгарте. В Москве вам когда-нибудь предлагали поставить оперу?

— Мне никто здесь не предложил — предложили немцы. За рубежом я не только оперы — балет умудрился поставить...

Вспоминаю художественный совет — во время первого моего приезда в Москву ко мне подошел журналист Минкин, спросил разрешения присутствовать. Я согласился. Но его жестом остановил Губенко: «Вам нельзя». — «А мне разрешил Юрий Петрович», — сказал корреспондент, на что услышал: «Юрий Петрович здесь не хозяин!».

— Да, жест министерский, хотя еще министром не был, — партийный жест.

— Я встал, чтобы тут же улететь обратно. Думаю, тот мой порыв — уехать — был правильный. Но мне стало неудобно перед пришедшими. Были здесь Альфред Шнитке, историк Юрий Афанасьев, Юрий Карякин, Эдисон Денисов — интересные и дорогие мне люди... Но все-таки я теперь жалею, что не уехал. Никто не понял тогда, почему я стою и раздумываю, — а я раздумывал, уехать бы... Может быть, приехав через год, я сделал бы больше.

— Целых два года Николай Николаевич хозяйничал на Таганке и что же успел поставить?

— Ни одного спектакля! Губенко восстанавливал Высоцкого и был потом разгнан чрезвычайно на то, что я выбросил его пионеров и все добавления, «Бориса» я восстановил сам, где Губенко играл Годунова.

ВЫДЕЛЕНЦЫ

АВТОРЫ! письма в Моссовет сообщали властям, что выбирают своим художественным руководителем Н. Н. Губенко. Подписались — одиннадцать человек. Только Л. Филатов широко известен. Другие имена — не музыка для слуха. Но стоп. Фамилия И. Ульяновой встречалась в скандальных статьях о возле «Таганки-концерт» по залам русской эмигрантской Америки. Газета «Русское слово» в апреле сего года напечатала статью Беллы Еврской. Она начала с дебютной рекламы: «Самый известный театр на Западе — московский Театр на Таганке представляет один из лучших спектаклей последнего театрального сезона — комедию «Мужи приезжают в выходные дни». Вы хорошо знаете — не было такого спектакля. А на американской афише — ни имени режиссера, ни имени автора, только жирным шрифтом — «ЮРИЙ ЛЮБИМОВ». Добродушные старые русские эмигранты выкладывали свои 12 пенсионных долларов, чтоб увидеть обыкновенную халтуру. «Это была заурядная художественная самодеятельность», — писала американская пресса. И. Ульянова вместе с Н. Шебыкиным катала по городам США, собирая доллары на имени Любимова.

В архиве театра сохранилось заявление одиннадцати актеров на имя Любимова — чтоб им разрешили поехать в Бостонский университет «с литературно-чтецкой программой. Разумеется, никакого отношения к концертам, а тем более гастролям театра и вообще коммерческой цели эта поездка не имеет. Поверьте, нам бесконечно дорог наш театр и мы не сделаем ничего, что могло бы скомпрометировать марку Театра на Таганке».

Еще как скомпрометировали!

Американская публика была обманута самым примитивным образом. Вот и верьте письму актеров в Моссовет, где второй стоит подпись И. Ульяновой! В этом образчике совкового эпистолярного искусства есть интересная подробность — десять, за разделение театра на профсобрании проголосовало 54,6 процента. Эта цифра оказалась подложной. И Моссовет, не обсудив проблему с художественным руководителем театра Ю. П. Любимовым, утверждает раздел. Юристы говорят о незаконности решения, ведь контракт с Любимовым подписан до 31 декабря 93-го года. До этого момента он отвечает за судьбу творческого коллектива.

— Юрий Петрович, ваши «отделенцы» вдохновлены бумагой Гончара. Но разве с постановлений начинается театр?

— Он начинается со спектакля. Спектакля нет, но уже обсуждается название будущего театра. Сперва они назвали его «Таганка-2». Им запретили. Сказали: «Если вам разрешает мастер быть «Таганкой» — будьте».

— Но ведь чтобы быть «Таганкой», надо сделать спектакль на уровне «Таганки»...

— Театр, как живой человек. Он может болеть, может выздоравливать — это все азы, что мне об этом вам говорить.

— Я читала ваш контракт. Там зафиксировано право художественного руководителя подписывать контракт с актерами на разные сроки. А «отделенцы» хотели бы пожизненного контракта?

— Советский человек хочет быть обеспеченным до конца жизни за счет государства — так он привык.

БЫВШИЙ МИНИСТР культуры бывшего СССР Н. Н. Губенко когда-то, уйдя из театра в молодые годы, позволял себе далеко не джентльменские суждения о нем. Юрий Петрович не помнил зла и вернул Губенко в театр.

— В те времена даже ему, вроде такому спокойному, правоверному господину, мешали работать. Вспомните, что с Тарковским делали. Я сказал ему: «Если тебе нечего делать, приходи, играй. Спектакли идут, где ты играешь: «Добрый человек» и «Пугачев». Он пришел тогда, после смерти Володи.

— Юрий Петрович, каких только собак на вас не вешали ваши враги! А теперь и собрать по творческому цеху сочиняют про вас небылицы — мол, вы не с ними, а со своими западными партнерами. С кем вы?

— Я с самим собой. И со своей семьей — женой и сыном. И больше мне никто не нужен. Вот я с кем.

— Но вы со своим театром...

— Театр не мой. Его уже разделили БЕЗ МЕНЯ. И без меня превратили неизвестно во что. Я пытаюсь собрать заново группу ведущих актеров, желающих со мной работать.

ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ ПОПУТАЛА

— ВАШИ оппоненты любят намекнуть — мол, вы продадите театр или продадитесь западному «денежному мешку»?

— К сожалению, у меня нет «денежного мешка», но зарабатывать я должен, чтобы прокормить свою семью. А сейчас я делаю все возможное, чтобы и жалобщиков кормить.

— Кого вы выгнали из театра? Кого из актеров уволили — об этом в жалобном письме есть строка.

— К сожалению, я никого за 30 лет не выгонял. Советский закон не позволяет это делать.

Никто не помог навести в театре элементарный порядок, чтобы здесь не бардак стоял, не устраивали безобразий. Здесь воруют, как и во всей стране. У нас были немцы, угощали тут всех кофе, а в итоге у них украли термос. Немцы привезли швейную машинку, чтобы при случае что-то пришить, подогнать — машинка исчезла. Театр, как в фокусе, отражает весь развал в стране. Растление и распад всеобщий.

Наш театр и делить нельзя — это же не мое, а государственное. Приватизировать чужое нельзя. Странно, что господин Гончар этого не понимает. Закон президента запрещает приватизацию учреждений культуры. Если вынесут постановление, что «Таганка» не учреждение культуры, тогда театр можно будет приватизировать.

— Похоже, в вашем театре криминогенная обстановка.

— Преступен весь период советского коммунизма.

— А что, господин Гончар настолько тонко разобрался во всем, что с легкостью режет ножом по живому? Расчленить можно только труп.

— Гончар, видимо, не знает. В моем контракте есть пункт: «Споры, возникшие между сторонами контракта, разрешаются в установленном порядке, а также в Международном суде Швейцарии, в Цюрихе». У меня двойное гражданство. Поэтому я вызову господина Гончара судиться со мной в Цюрих, и, думаю, ему присудят несколько тысяч долларов штрафа за то, что он разрушает театр и разрушает мои отношения с западными партнерами: я делаю спектакль «Доктор Живаго» в партнерстве с австрийцами и немцами, и премьера спектакля должна состояться 17 мая в Вене. Деля театр, Гончар нарушает мои отношения с японцами, потому что я должен ехать на гастроли с театром в Японию. «Протестанты» бегают по театру, вдохновленные бывшим министром, и голосят — десхать, театр никуда не поедет. По контракту с греками премьера «Электры» была в Афинах на фестивале. Вторая премьера сыграна в Москве. Так же будет и с «Живаго». После венской премьеры — поездка в Германию, затем московская премьера. На одной сцене сейчас репетируется «Живаго», на другой — «Подростка». Целый год эти люди мешают театру работать. Приезжают ОБХСС, проверяют, жулик я или нет. Одна комиссия говорит: «Нет, ничего не нашли». Приходит вторая.

— А что они ищут? Какой-то документальный подлог?

— Ну там — в бухгалтерии. Может, вот я кресло из кабинета украду? Мало ли что они ищут! Вы их спросите, что они ищут. Они ищут... склоки, чтобы люди не могли работать нормально. Как этот съезд зполочучий идет, идет, вместо того, чтобы работать, они дерутся и думают, что им будут верить. Ведь это же смех — выступает депутат и говорит — кто не явился на заседание, давайте лишим их суточных. Говорится эта гениальная фраза на весь мир!

— А каков оратор — собравшись по съезду величал тараканами.

— В этом есть доля истины. Но ведь и он из этих «тараканов».

— Юрий Петрович, вас упрекали, что вы, всегда стоявший в оппозиции к правительству, вроде бы ищете защиты у правительства...

— Меня для разговора с театром приглашали господин Шохин и господин Бурбулис. Я показал им все документы. Никакого толку.

— А что говорит Губенко тем, кто его намечает избрать худруком?

— А он говорит им — зарплату вы будете получать у Любимова. Цеха делить на надо — они будут работать и на него, и на нас. Они снисходительно вещают: «Приоритет мы уже оставили», — о своих бедах Юрий Петрович говорит спокойно.

— Да, сейчас несчастный для страны период лжи, предательства, воровства и полной безответственности. А в этой атмосфере все можно. Они пишут, что я увольняю актеров, а я уволил только заведующего постановочной частью, потому что он ничего не делал, безобразничал, пропивали вещи — просто это подсудное дело. Это мое право уволить, если человек не представляет художественной ценности. Я просто не хочу с ним работать. И вообще, с каких пор определяют искусство большинством голосов? Добиваясь раздела театра, почему ни один человек не задал мне вопрос: а зачем мне все это надо? Ведь я не вошел в этот дом, когда мне стало 75 лет. Чужой, финский театр устроил мне встречу.

Да, перед нами горькая история русского театра. Был Театр Вахтангова. Театр несчастного расстрелянного мастера Мейерхольда... Я же пришел не в готовый театр — пришел сюда со своими учениками. И со спектаклем «Добрый человек...».

— Я никак не могу понять, почему Леонид Филатов выдвинут на первую строчку в жалобном письме актеров?

— Он просто выбрал себе роль благородного защитника...

— Обездоленных?

— Они не обездоленные. Филатов прибегает в театр между съемками и халтурами. Он здесь фактически не работает. Если бы он работал здесь, тогда он мог бы с правом говорить. Тут он то раскаивается, то ему стыдно за свое поведение. А как закрутят его эти бесы, опять начинает играть роль соловья - разбойника, упивясь собственным красноречием. Это же просто неприлично. Если вы хотите работать — создайте спектакль, и Москва вам станет рукоплескать.

— А правда ли, что вы, Юрий Петрович, вызвали милицейский отряд, чтобы помешать сыновьям Губенко сыграть в спектакле памяти Высоцкого, о чем написано в жалобном письме?

— Все это вранье. Губенко у нас уже не работал. Но вдруг он захотел обязательно играть и стал врываться в театр силой, приводя с собой какую-то дикую толпу, которая орала; работали телевизионные камеры. Ведь это же огромные деньги! Камеры снимали несчастного страдальца и героя, который рвется сыграть своего друга! Никаким другом Высоцкого он не был. Вы прочтите стенограммы, как выступал Губенко. Что-то вроде — «дорогой Леонид Ильич, вы разберетесь...». Я понимаю: он юлил. Все юлили.

— По стране шел слух, что Губенко хлопотал, чтобы Мастер вернулся. И вот вы вернулись...

— Может, я в эту клоаку и возвращаться не должен был. Деда моего в снег выбросили, в 80 лет. Отца моего арестовали, мать арестовали. Тетку арестовали. Мы остались втроем. Дети. Это родина? Эта родина убила всех своих лучших сынов.

— Юрий Петрович, все это так. Но ведь какая-то внутренняя сила заставила вас сюда вновь приехать.

— Я не могу, чтобы разбойники грабили мой дом, который я тридцать лет создавал. Вот и все. Считаю их бесчестными, бессовестными людьми, может, запутавшимися. Но отвечу вам (вы говорили об «обездоленных») — они вовсе не в бедственном положении. На гастролях они заработали по нескольку тысяч долларов. Надеюсь, вы прочли, что сделали эти люди с моим именем в Америке? А как они халтурят в своих «бригадах». Стыдно это смотреть. Ведь это идет полное разложение — нравственное, профессиональное, отсутствуют элементарная порядочность, дисциплина. Так нельзя ни жить, ни работать. И получается: даже подписав со мной контракт, уважаемые власти не выполняют договор. Что творят со мной сейчас, совсем не отличается от того, что со мной делали власти в брежневские времена.

— От старых властей вы ничего другого и не ждали. Ваши спектакли сокращали шагреневую кожу коммунистической идеологии...

— Когда мы на Запад говорим, что здесь творится, нам отвечают: «Вы обижены, вы не объективны». Господин Губенко ведет себя вполне определенным образом. Сначала попросил меня принять его; пришел и стал хамить. И после небрежно предложил мне: «Может, вернемся к этому вопросу?». Я сказал: «Нет. Осенью, возможно, сумеем переговорить». Но после этого он сделал такие акции, что никаких переговоров с этим господином вести не буду. Меня все уговаривают. Сейчас любят уговаривать — все такие добрые стали: «Примиритесь. Пожмите друг другу руки». Что из этого рукопожатия на практике выйдет — я хочу посмотреть. Да и все видели подобные рукопожатия по «ящику».

— А какое же здание хочет получить Губенко — новое или старое?

— Лучшую часть. Он же говорит, что ему неудобно брать мой кабинет.

— Стены вашего кабинета в автографах великих. Никто не заснял на пленку осколки их гения?

— Десятки раз. Даже власти, выгнавшие меня, понимали, что разрушить это неудобно. Здесь и Лоренс Оливье, и Бейль, и Артур Миллер, и Солженицын, и Давид Сикейрос, и Гуттузо — вот кулак нарисован. И Кастро. Я Эрнст Неизвестный на двери руку изобразил, которая плачет. Дверь хотели даже убрать!

— Любопытно, чем украсит свой кабинет Губенко?

— Владимиром Ильичом и Михаилом Сергеевичем.

— Говорят, всем входящий в его министерские апартаменты натыкался на карточку. Он с женой и Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной, чтоб сразу огорошить: знай, с кем имеешь дело! Мне вспоминается один эпизод: была в корреспондентом от «МК» на совещании молодых кинематографистов в Доме кино. Молодой Андрей Тарковский, красивая, как Диана, Лариса Шепитько... Встает Губенко и громко возмущается, что его КГБ не пускает за границу: «Они разыскали моего брата в тюрьме, а я про это даже не знал». Андрей Тарковский с удивлением заметил: «Коля, почему же КГБ должен разыскивать твоего брата, а не ты сам?». Коля сразу как-то сник.

— Детдомовцы — особые люди. — это черные Руслаиы». Но нет правил без исключений.

— Юрий Петрович, вы сейчас здесь один, без семьи?

— А вы хотите, чтобы все это безобразие я показывал ребенку 13 лет? Или жене — заперли, чтобы, увидев все это, еще раз отсюда уехала?

— А что о вас здесь заботится?

— Сам. Помогает сестра мои, Наталья, которой 70 лет.

— Все предусмотренное контрактом вы, конечно, выполните. А вот как же с нарушением условий со стороны московских властей?

— А меня они не интересуют. Поеду в Цюрих и буду судиться.

— Я слышала о письме к Борису Николаевичу Ельцину некоторых представителей творческой интеллигенции Москвы — они просят разделить театр. Это верно, что его подписал и замечательный актер Калягин?

— У Калягина во мне особый счет: он репетировал Галилея, а играл Галилея Высоцкий. Калягин поддерживает эту группу людей, видимо, наигравшись Леонида. Они создались за Леонида. Оба играли и подали руки: Лепин — Ленину.

ВО ИМЯ ЧЕГО?

ГОСПОДИ, какую же тяжкую долю ты уготовил талантливым людям в России. Когда-то таганковцы, ушедшие в «Современник», бестактно и бездарно поносили со сцены Эфроса. Теперь не успокоятся, пока не доведут до инфаркта Любимова. Во имя чего эта кровавая баталия? Каково читать фразочку из письма одиннадцати таганковцев в Моссовет: «Мы желаем Юрию Петровичу Любимову здоровья и творческих успехов, мы желаем нашим сослуживцам, которых Юрий Петрович зачислит в свою труппу, удачи и благополучия, оставляя ему право выбора любой из сцен нашего театра. Просим вас предоставить нам возможность начать работать».

Словом, ты виноват уж тем, что хочется мне кушать. Неужели срывут и не покрасненют?

За кулисами я столкнулась с артистом Борисом Хмельницким. «Ну каково?» — говорю. Улыбнулся: «Двух театров на Таганке быть не может. Только один — с Любимовым». Главный художник театра Давид Боровский взглянул на конфликт изнутри: «Если под одной крышей будут два театра — это второй Карабах».

Горько все это. Мастер приехал ради творчества — не мешайте ему.

Наталья ДАРДЫКИНА.